

9. Поисково-спасательная команда за работой

Хохоча, Хейдьюк и Смит обнимались, хлопали друг друга по лопаткам от восторга, тут же открыв новую упаковку пива. О, это морозный блеск! О, этот четкий щелчок крышечки открываемой новой банки!

— А-ах! — ревел Хейдьюк, чувствуя, как первый хороший глоток играет в крови. — Черт меня подери, до чего это было красиво! Он выскочил из грузовика и затанцевал вокруг него не то джигу, не то тарантеллу, не то шаркающий танец индейцев сиу, на счет 2/4. Смит хотел было последовать за ним, но из осторожности сначала влез на крышу кабины, чтобы еще раз оглядеться. Мало ли какие козни Враг может строить как раз в эту минуту.

И он был прав.

— Джордж, — говорит он, — прекрати свой воинственный танец на минуту и передай мне вон там вон мой японский бинокль.

Хейдьюк передал. Смит бросил долгий изучающий взгляд на восток-северо-восток, поверх горбатого большого камня, прямо по направлению прелестного моста, который возносился, как серебряная арка, как стальная радуга, над Узким каньоном и временно закупоривал реку Колорадо. Хейдьюк в ожидании прислушивался к послеполуденным звукам. Казалось, не было ни одного. Стояла тревожная тишина. Даже птица, единственная птица, все еще жившая в Узком каньоне, закрыла свой клюв.

— Да, это он, — сказал Смит. — Этот лошадиный зад возвращается.

— Чей зад?

— Я говорю, мой приятель епископ Лав. Добрый старый Дж. Дадли. Сосвоей Командой розыска и спасения.

— Что они там делают? Хейдьюк срывает крышечку со следующей банки пива, на этот раз несколько более серьезно.

— Они все стоят на мосту через Колорадо и разговаривают с этим парнем в желтом пикапе.

— Что они говорят?

— Я не очень-то умею читать по губам, но могу догадаться.

— Ну и?

— Епископ Лав говорит этому парню, что не видел на дороге никакого зеленого пикапа ни с каким серым тентом. А тот говорит епископу, что этот чертов зеленый пикап уж точно же не примерещился ему. Ну, а епископ и говорит ему, что тогда, значит, они должны были свернуть и поехать по колее джипа на север, и там именно они и находятся сейчас — а нам следовало убраться отсюда пять минут назад.

Смит спрыгнул с крыши кабины и взобрался на сиденье.

— Давай, Джордж.

— Хейдьюк задумался. — Надо было мне взять с собой ружье.

— Залазь!

Он залез. Они поехали на север, в джунгли песчаниковых скал, на максимально возможной по этой каменистой дороге скорости: двадцать миль в час.

— Слушай, — говорит Хейдьюк, — к ним эти специальные Блейзеры V-восемь для преследования. Не паникуй, но они нас поймают, как пить дать. Если они не позвонят сначала в 104-й. С напалмом.

— Я знаю, — отвечает Смит. — У тебя есть еще какие-нибудь блестящие идеи?

— Конечно. Мы их остановим. Мы поставим ловушку. Что там впереди, на этой дороге? Какой-нибудь маленький деревянный мостик, который можно сжечь? Как насчет узкого прохода, который можно бы перекрыть валуном?

— Не знаю.

— Думай быстрее, Редкий. Что, если я подстрелю пару вон тех коров, бредущих по дороге? Заблокирую путь. Это может задержать их на минуту.

— Ты, Хейдьюк, Зеленый берет, так ты и думаешь, как Зеленый Берет. Мы опередили их на пять минут, и это все. Насколько я могу вспомнить, нет тут на этой дороге ни маленьких деревянных мостиков, ни тесных проходов миль на десять впереди. И не будешь ты стрелять ни в каких коров.

Грузовик Смита качался и подскакивал на камнях, то въезжая в колею, то выезжая из нее, через опасные маленькие канавки, тормозя, газуя, чтобы сделать рывок по песку, снова выжимая сцепление, чтобы проскочить относительно ровный участок, потом снова камни, опять канавка. В кузове ничего не увязано, все свободно катается, включая кастрюли, коробки для льда, лопаты, железные диски, лодочный мотор, печка — голландка, фляги, буксирная цепь, кирка, консервы — все это танцует и подскакивает, усиливая и без того сильную тряску самого грузовика. За ними — роскошный хвост пыли, повисший в сиянии солнца, каждая искорка, пылинка, песчинка пустынной земли просвечена солнцем, блеск

которого отражается от стен плато. Видимый за мили. Столб пыли днем, огонь ночью. Разоблачение; но пыль также и прячет.

Дорога была совершенно невозможной; теперь она стала еще хуже. Смит вынужден был остановиться, чтобы закрепить втулки и задействовать вторую пару ведущих колес. Хейдьюк тоже вышел и стал изучать окрестности. За две мили от них он увидел султаны пыли над их преследователями — три Блейзера и желтый пикап, подпрыгивающий за ними — взвинченные, разгоряченные погоней, жаждущие убийства. (То есть нас). Как же это мы умудрились влипнуть в такую историю? Чья же это была такая блестящая идея?

На восток — песчаниковая скала, как слоновья спина, наклонилась над скрытым ущельем; на запад — скалы высотой две тысячи футов; впереди между ними — узкий уступ, по которому дорога, ведущая на север, извивалась, как змея. Из красной пыли и красновато-коричневого песка не росло ничего, кроме щетки кустарника в фут высотой, нескольких приземистых можжевельников да пары колючих юкк в дюнах. Грузовик спрятать негде.

— Поехали! Поехали! Смит ринулся обратно в кабину.

Даже бокового каньона нигде не видно. А если б был, они бы в него заехали, в самый тупик, и спрятались бы там, как в загоне. Куда бы они ни поехали — если б только им не выбраться на коренную породу — они всюду оставят свой след на песке, ломая кусты, сдвигая камни. Голая пустыня — не место для маленьких секретов.

Смит увеличил обороты. — Поехали, Джордж.

Хейдьюк вскочил в кабину. Машина редела по дороге, возвышающейся к центру, жесткие кусты и колючие шипы дикой груши, как когтями, царапали ее брюхо.

— Джордж, — говорит Смит, — я тут кое-что сообразил. За следующим поворотом есть забор. Дорога проходит через старый деревянный загон для скота. Мы можем его поджечь.

— Я поливаю, ты поджигаешь.

— Давай.

Появился забор, протянувшийся под прямым углом к направлению их движения от скалы до каньона. Загон для скота. Ворота были устроены таким образом, что колеса могли через них проехать, а копытные животные — овцы, коровы, лошади — не могли. Рядом с воротами была калитка, через которую выводили скот, но сейчас она была закрыта; так же, как и низ остальной ограды по всей ее длине, она была плотно и надежно забита годами налипавшимся здесь принесенным ветром перекасти-полем. Издали ограда напоминала коричневую, беспорядочно заросшую живую изгородь. Грузовик проскочил через ворота. Смит вдавил тормоза. Прежде, чем грузовик остановился, Хейдьюк соскочил на землю, моргая от пыли, и схватил канистру с бензином, прикрепленную впопыхах ремнем к борту. На бегу открывая ее, он метнулся обратно к воротам, щедро поливая бензином старую древесину, балки, пропитанные креозотом, опорные столбы ворот, и, все так же на бегу, — землю вдоль массы перекасти — поля, сначала с западной стороны, потом с восточной. Мчась

обратно к машине, он слышал звучные шуу-у-у-м! и щелк! крак! поп! взрывающегося в огне перекасти-поля. Тут подоспел Смит, темный потный силуэт на фоне огненной баррикады, под черным грибом жирного, едкого дыма.

— Убираемся отсюда, — говорит он.

Наконец они услышали шум погони.

Смит рулил, Хейдьюк смотрел назад. Он видел пламя, светло-желтое на солнце, темно-оранжевое в тени скалы, и фиолетовую полосу дыма от горящего перекасти-поля, поднимающуюся к небу. По ту сторону огня приближались четыре автомобиля погони. Тормозят, — безусловно, остановятся — ибо кто же будет настолько сумасшедшим, чтобы повести новехонький, сияющий Блейзер за 6500 долларов, полностью оборудованный всеми дополнительными аксессуарами (сверхмощное сцепление вспомогательный топливный бак магнитофон шины со стальным ободом двойные фары набор запчастей альтиметр тахометр наклономер лебедка двухстороннее радио штыревая антенна и прочая, и прочая) через стену огня в погоне за злоумышленниками в старом пикапе, основываясь не более чем на показаниях случайных свидетелей?

Епископ Лав, вот кто. Дж. Дадли Лав, Епископ Блендинга, Капитан Команды Розыска и Спасения.

Вот он приближается, проскакивая через объятые пламенем ворота, нисколько не повредив свой Блейзер. Но фонтан искр от падения балки заставил второго водителя притормозить на секунду; он повернул на восток, вдоль ограды, пытаясь обойти пламя с фланга. За ним последовали и все остальные.

— Все равно догоняют.

— Я их вижу. Смит сильнее выжимает газ, но дорога слишком тяжела и не позволяет увеличить скорость. — Мы их опережаем хоть немного?

— Всех, кроме первого.

— Что теперь?

— Выпусти меня, Смит, оставь меня вон за тем камнем, видишь, впереди. Я продырявлю ихние шины из своей вот этой маленькой пукалки и буду удирать, как черт. Встретимся в Хенксвилле или другом каком симпатичном месте.

— Дай подумать.

— Еще банку пива?

— Я пытаюсь думать, Джордж, дай подумать. Там вон впереди дорога к старой шахте, ведет на запад, и может, прямо на вершину горы. Точно не знаю. Если нет, мы пропали. Если да, они запросто потеряют нас в лесу там, наверху. Но если нет — мы пропали.

Хейдьюк оглядывается назад. — Они нас догоняют. Если мы не уберемся с этой дороги — мы пропали. Он открыл еще одну банку пива.

— Тогда попробуем поехать другим путем.

За следующим поворотом между скал, там впереди, они отчетливо увидели развилку, — там дорога расходилась на две: направо, вся в камнях и рытвинах, выбоинах и буграх, — это была главная дорога, так сказать, магистральная, и налево — еще похуже, совершенно заброшенная.

— Вот она, говорит Смит и сворачивает резко влево.

Хейдьюк пролил пиво себе на колени. — О, черт, я уже пьян, и я точно хочу извиниться за всю эту халепу, в которую я тебя затащил, Капитан Смит, а то бы это был прекрасный мирный день, если б не я, и если ты сейчас остановишь эту чертову колымагу на минуту, чтоб я сошел, то я уж позабочусь, — Хейдьюк помахал своим магнумом, — об этом твоим любвеобильным епископе.

— Осторожней с этой клятой пушкой, Джордж. У нас и так проблема на руках.

— Ты абсолютно прав. Хейдьюк опустил свой револьвер обратно в кобуру.

Тем временем их грузовик вставал на дыбы, взбрыкивал и трясся на низкой передаче 5 миль/час по этой древней дороге на запад, такой же, пожалуй, старой, как и Федеральный закон о разработке полезных ископаемых от 1872 года. Она вела к многочисленным разработкам на оползневом делювиальном откосе, среди каменных осыпей и валунов у подножья стены плато. Пейзаж был величественный, как всегда, но их положение — открытым и неверным. Враг был всего в нескольких милях позади, наверстывая этот разрыв. Подгоняемый яростью, которая еще усиливалась пренебрежением этих задниц, и обожженными боками машин, и иссушенными мошонками дифференциалов, Враг скоро обогнет последний поворот и увидит их — Смита и Хейдьюка Инк. — медленно ползущих, как жуки, по этой немыслимой дороге, быть может, ведущей их к выходу.

Дорога стал еще тяжелее; Смит вел машину с четырьмя ведущими колесами, и все же ему пришлось перейти на более низкую передачу. На скорости около двух миль в час грузовик тащился вверх, где, возможно, они найдут укрытие, — если дорога туда доведет. Укрытие, прикрытие, небеса обетованные, и, быть может, спасение.

Дорога была пробита в скалах динамитом многие десятилетия назад, и ее полотно имело наклон вниз — наружу — неверный путь. Грузовик сильно отклонялся от вертикали, словно его тошнило, от твердой опоры в пустоту. Если бы он перевернулся, у Хейдьюка, сидевшего с наружной стороны, не было ни малейших шансов спастись.

— Слушай-ка Смит, — остановись-ка, я хочу выйти.

— Зачем?

— Возьму тот брус, что у нас в кузове, и проведу кое-какие дорожные работы. Приторможу слегка эту Команду розыска и спасения.

Смит обдумывал. — Ты их уже видишь?

— Нет еще, но пыль за поворотом уже вижу. Епископ нагоняет.

Смит остановился. Хейдьюк выпал, крепко вцепившись в грузовик, прополз по осыпи, открыл задний борт и нашел в кузове большой железный брус. Подошел к Смиту.

Смит говорит: —Ну, какой у тебя план?

— Сброшу этим рычагом пару валунов на дорогу. Жди меня наверху. Или там, куда сможешь доехать. Поддай-ка мне вон ту тяжелую голубоватую штуку из заднего кармана моего рюкзака.

— Ладно, буду ждать тебя наверху. Или на пару миль впереди. Подать тебе что?

— Пушку, пушку. Нет, не останавливайся, двигайся; солнце скоро сядет, а в такую славную погоду меня хватит на двадцать миль. Пушку и флягу. Забрось мой рюкзак наверх.

— Никаких пушек.

— Если эти трахнутые спасатели начнут в меня стрелять, я намерен отстреливаться.

— Нет, Джордж, мы не можем так поступать. Ты знаешь наше правило.

— Слушай, без пистолета я голый, как младенец. Он потянулся к рюкзаку за пистолетом. Смит перехватил его руку.

— Нет. Вот твоя фляга, Джордж.

— Ладно. Господи Иисусе. Иду. Вон они. Скоро увидимся.

Смит поехал дальше. Хейдьюк взял свой лом и принялся за ближайший валун. Внизу, на расстоянии двух миль, все четыре машины погони остановились у развилки. Вылезли букашки: мужчины рассматривали следы колес. Через секунду они посмотрят в сторону Хейдьюка. Смит в своем грузовике преодолевал крутой уклон, двигатель завывал на высоких оборотах, груз грохотал в металлическом кузове. Шум растекался концентрическими звуковыми волнами вдоль стен плато по направлению к погоне. Не было никакой возможности укрыться.

Хейдьюк, голый по пояс, нашел на песчанике подходящую точку опоры, чтобы сдвинуть с места выбранный им валун, напрягся и столкнул его рычагом. Валун плюхнулся на дорогу и остановился как раз посередине.

Ну-ка попробуем что-нибудь покрупнее. Он подтащил свой брус повыше, к чудовищному куску упавшей скалы. После двухминутной борьбы он победил: глыба сдвинулась с места, перевернулась, начала катиться — катиться по собственной воле.

Хейдьюк соскользнул с откоса, уходя с дороги. Камень катился через колею джипа, через край откоса, отскакивая от препятствия к препятствию, как заяц, к какой-то конечной точке равновесия. Вон там бледные в тени лица мужчин повернулись, глядя вверх. Но Хейдьюк, торжествуя, уже искал свой следующий снаряд. Пусть приблизятся. Пусть только попробуют приблизиться; он обрушит на их задницы град камней. Сдвинутый им камень остановился у большого валуна, лежавшего у основания откоса. Он стал искать следующий.

Команда приближалась. Четыре автомобиля двигались от развилки по левой дороге, которой пользовались крайне редко, следом за Хейдьюком и Смитом. Хейдьюк сдвинул на дорогу еще два больших камня и стал подниматься выше — фляга в одной руке, тяжелый железный брус в другой. Сердце колотится, грудная клетка вздымается, широкая, загорелая, волосатая спина блестит от пота. Тяжкий труд; Хейдьюк не был достаточно в форме для него. И в пределах ружейного выстрела. Эта мишень у него между лопатками вздрагивала от старого знакомого животного ужаса. Он бежал рысцой, выискивая подходящие камни. Нашел еще два, переждал немного, чтобы собраться с силами столкнуть их на дорогу.

Солнце опустилось наконец за край плато. Тень, огромная, как штат Коннектикут, напознала на разогретую за день землю камня, сердце страны каньонов. Все действие замедлилось, пошло на низкой передаче: Смит, приблизительно в двух милях впереди, встревоженный, взволнованный, ищущий спасения; посредине — задыхающийся Хейдьюк, тащит за собою свой двадцатифунтовый литой железный брус; епископ Лав, его Команда, да еще и оператор Катерпиллера в желтом пикапе приближаются, замыкая шествие. Ни один из сброшенных Хейдьюком камней не задержал их надолго — у этого, из Катерпиллера, тоже был лом.

Они продвигались вверх по склону горы, медленно приближаясь, не стреляя, не очень шумя, скучновато даже, пока Хейдьюк не оказался, наконец, в стратегически выгодной позиции, несколько впереди и повыше них, где он нашел то, что искал все это время.

Это был массивный обломок песчаника навахо, размером и формоф напоминающий саркофаг, удачно уравновешенный на естественном пьедестале. Тяжело дыша, потный, как лошадь, Хейдьюк добрался до него, оглянулся в поисках наилучшей точки опоры, втолкнул лом на место, налег всем телом на свободный конец, попробовал. Камень двинулся, готовый катиться. Он стал ждать.

Он слышал, как выше, уже вне поля его зрения, грузовик Смита шел наверх; внизу, в тысяче футов от Хейдьюка, ведущий Блейзер высунул свой нос из-за поворота. Сам епископ. Через мгновение эта цель будет в пределах досягаемости.

Показались и остальные Блейзеры; они завывали на крутом подъеме; желтый пикап тащился за ними. Хедьюк толкнул. Валун заскрипел, перевернулся, начал катиться,

подскакивая. Хейдьюк понимал, что должен бежать, но все же стоял и смотрел.

Валун покатился по осыпи, через массу пустой породы, — неуклюжий, но грозный объект. Он не набирал скорость — склон был недостаточно крутым, а трение и помехи — слишком значительными, — но он продолжал двигаться вниз, громоздкий, неповоротливый и целеустремленный, как паровой каток, сбивая по дороге другие камни, обретая последователей, сопровождающих, свиту эскорта, спутников и ассистентов. Результат нетто состоял в том, что уже не один камень, а целая стая камней катилась вниз встречать и приветствовать Команду розыска и спасения округа Сан-Хуан. (Команда эта, чисто случайно, оказалась за пределами собственной юрисдикции, — она пересекла границу округа, проехав мост через Узкий каньон).

Мужчины внизу, остановленные еще одним препятствием на дороге, смотрел вверх, на осыпь. Кто спрятался за своими машинами, а кто стоял, увертываясь от камней. Большинство камней благополучно прокатились мимо, не задев никого из них. Но валун — дедушка, валун Хейдьюка, катившийся прямо вперед, угодил прямо в ведущую машину — епископа Лава. И остановился. Раздался страдальческий скрежет стали, и Блейзер, разбрызгивая во все стороны жизненные соки — масло, бензин, смазку, охладители, кислоты из батарей, жидкость для мойки ветрового стекла, тормозную жидкость, — осел и исчез под немыслимой мощи ударом, — колеса в разные стороны, корпус расплюсчен, как панцирь жука. Драгоценные жидкости вытекали из раздавленных останков, пятная дорогу. Валун остался на месте, придавив скелет машины. На покое.

Погоня была задержана, по крайней мере, на машинах; валун и обломки епископского Блейзера перекрыли дорогу. Хейдьюк, в восторге глядя вниз сквозь завесу пыли, видел блеск оружия, вспышки стекол биноклей, движение мужчин.

Было самое время ретироваться. Припадая к земле с внутренней стороны дороги, он направился вверх, за отдаленным гудением грузовика Смита, таща за собою железный брус, давясь смехом всю дорогу до самой вершины горы. Там ждал его Смит.

Они уселись на кромке уступа, болтая ногами над 150-футовым обрывом, и наблюдали издали за отходом Команды розыска и спасения. Когда все отбыли, они отпраздновали победу пинтой виски — «Джим Бим, которую Смит, этот позорный джек-мормон, совершенно случайно обнаружил под рукой в своем старом мешке с инструментами. Опорожнив бутылку наполовину, они приготовили себе на ужин бобы с беконом. С наступлением темноты они поехали, ориентируясь по звездам (фарами не пользовались, опасаясь наблюдения с воздуха), вдоль кромки Оранжевых Скал, вокруг истока Счастливого каньона, мимо Края Земли и далее до перекрестка с дорогой на Хенксвилль.

К полуночи они добрались до Хенксвилля, а через полчаса — до гор Генри. Где-то в глубине леса они повалились спать и спали сном праведников. Праведников явно удовлетворенных.